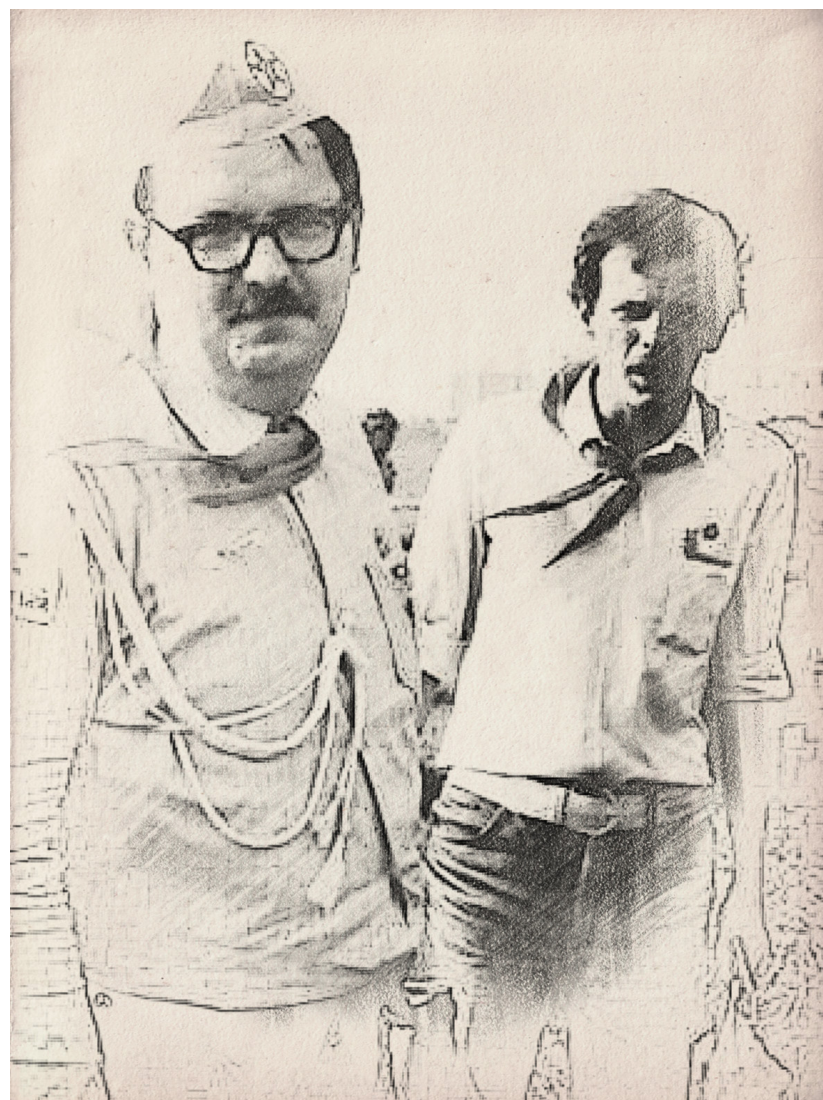

Шутка вторая — Обворовали!

В то лето стояла страшная жара. И не только в созвездии Альдебаран, но и в пионерском лагере «Звездочка». Дети и вожатые разделись до предела, сохраняя приличия лишь наличием плавок, купальников и шлепок на ногах. После случая на линейке, когда ребенок упал от теплового удара, было введено обязательное ношение головных уборов на голове.

Бассейн работал целый день, и отряды поочередно входили в железные ворота «Бучиллы», как в дверь доброго доктора Айболита за пилюлями от солнца. Доктор Пилюлькин с медсестрой стояли на защите октябрятско-пионерского здоровья, загораая на лежаках, подложив под голову зеленую сумку с большим красным крестом, но каждый вновь прибывший на бассейн отряд, подвергался строгому инструктажу, последние слова которого тонули в команде плаврука: «В воду!» - и дружном ребячьем визге и хохоте, смешанном с брызгами разрываемой детскими руками прохладой водной глади.

В то лето я еще не мог причислить себя к сливкам вожатского коллектива, хотя мне исполнилось 18 или 19 и, написав заявление, я был принят в пи/эль на должность руководителя авиаракетного кружка, т.е. кружковод. Разница в возрасте между мной и девчонками первого и второго отряда была невелика, мы даже как-то пионерили в одном отряде или тусовались в ККЗ «Лесная

тишина» на дискотеках, поэтому в мой кружок сразу же записалось 36 человек, их которых около 30 были девочки старших отрядов. Понятно, у меня музыка, гитара, отдельная жилплощадь!

ДТТ или Дворец Технического Творчества представлял из себя деревянное строение, похожее на летнюю веранду, с такими же ажурными рамами с набранными треугольно-квадратными стеклышками, в которой дощечками из тарных ящиков были выгорожены несколько помещений, в которых разместились несколько кружков. Фото, с настоящей фотолабораторией для проявки пленки и печати фотографий. Радио, с паяльниками, коробками сопротивлений, переключателей, диодов и еще бог весть чего, из которого вечно пахло горелой сосновой смолой и слышались звуки настраиваемого транзисторного приемника, спаянного в пластмассовой мыльнице. Умелые руки, где стояли станки, верстаки, пахло авиационным клеем «эмалит» и свежей стружкой, где тусовались все, кому надо было что-то сделать - хоть туфлю заклеить, хоть картину на фанерке выжечь или, пуще того, собрать картину из кусочков столярного шпона деревьев разных пород. Последним в этой череде размещался авиаракетный кружок, где клеились самолетики, модели свободнолетающих планеров и таймерных моделей, перебирались двигатели для кордовых моделей воздушного боя. Под верстаком валялись круглые заготовки для изготовления корпусов ракет, рейки и нервюры для фюзеляжей и крыльев моделей. Под потолком была подвешена лопасть заднего винта вертолета, а на полках стоял настоящий прибор, определяющий линию горизонта при полете.

Как и полагается в доброй сказке, была в этом скворешнике, продуваемом ветрами, потаенная дверца, только замаскированная не изображением очага, а уголком активистов кружка, с графиками дежурств, планами работы, награждением передовиков. Такой уголок был в каждом кружке и подвергался тщательному контролю со стороны многочисленных комиссий разного профиля, стоящих на защите здоровья детей и спокойствия начальства. Вот за этой дверцей стояли две панцирные кровати и стол, под которым лежала моя сумка с вещами и чехол от гитары.

Вторая кровать предназначалась для киномеханика, который на моей памяти ни разу на ней не спал, был лицом ответственным, приезжавшим два раза в неделю. Поскольку человеком он был пьющим, до «базы» обычно не дотягивал, упав в кинобудке на устроенную для этих целей такую же кровать, или потерявшись где-то в безграничных просторах хоздвора. Не единожды его спасала наша машина скорой помощи, тормознув, где на обочине валялись разбросанные металлические банки с кинолентами. По ним находили спящего неподалеку киномеханика. Короче, мы с ним дружили, поскольку практически не общались. Но свой бритвенный прибор на полку он все же поставил.

Поскольку лагерь наш был, прямо скажем, не большой, то работали в нем не по часам, а сколько было надо, что бы было интересно, или пока не свалишься. Я лично раз в смену уезжал домой в Москву рано утром с продуктовой машиной, чтобы помыться, побриться, покушать домашнего и уснуть часов на пять. После чего оставалось еще час-полтора пробежаться по магазинам, купить согласно полученным заказам курева, молотого кофе, горячительных напитков, решить вопросы с новыми записями для дискотеки, струнами для гитары и, запыхавшись, успеть на паровоз в сторону Дорохова с Белорусского вокзала.

Бедная мама! Она не знала, что сказать своему сыну, который и поцеловать-то ее мог разве что на бегу.

Вывалившись на станции «Садовая», за одну остановку до «Дорохова», пружинистым походным шагом по знакомым тропам мы бодро бежали в сторону лагеря по опушке леса, через поле, мимо деревни Капань и дома нашей сестры хозяйки Тамары Прокофьевны, через Минку, по гравийной дороге с приветом п/л «Дружба», минуя одинокую сосну у Капаньки до родного поворота и мостка через журчащие потоки нашей неукротимой речушки. Пospеть к ужину это было не только правилом, но и нормой приличия. Именно за ужином решался вопрос: «А что сегодня намечается на «вольную программу» после 12.00?» и информация о прибытии антабуса (или «огненной воды») стоял ребром! Последнее слово всегда было за старшим вожатым, а уж подводить

его, оставляя в неведении по сакраментальному вопросу, было непорядочно. Молодые ноги бежали резво и не давали осечек, внося посильный вклад в общее дело.

Сразу после ужина ко мне в кружок заваливался кто-нибудь из вожатых, и начинались разговоры о ночном костре для отряда, встрече рассвета, всякой лабуде, которую ни пропустить, ни проигнорировать нельзя. Не только рабочий день, но и время отдыха, были расписаны буквально по минутам, так что спать было некогда - нас звали великие свершения, неведомые дали и недосягаемые горизонты.

За какие-нибудь два-три часа рождались сценарии, поэмы, планы военной игры или перевороты вселенского масштаба. После чего надо было бежать в клуб, озвучить, выслушать критику и сарказм, чтобы забыть о своих бреднях на все или пусть идею в оперативную разработку с последующим включением в планы работы дружины.

Существенно, что все это происходило параллельно с дебошами пионеров, бесконечными шмыганьями из палаты в палату, разборками как среди мальчиков, так и среди девочек, причем ржанье и хохот нарушением не считались, а полночные визиты пионеров на кухню за «пятым питанием», стали нормой жизни надо кормить растущий организм! А вместо сказки на ночь, вожатые общались с подростками, рассказывая им о взрослой жизни, прочитанных книгах, пройденных походах, службе в армии. Вот такой темп был в п/л «Звездочка» - круглосуточный!!!

Был в нашем лагере еще театр-студия «Ритм», руководил которым вожатый второго отряда Андрюша. Габаритный, с обильной растительностью на голове и лице, он был одержим желанием сделать из своего отряда «Эскадру» и воспитать Отелло среди пионеров отряда.

Возмужав в семье кадрового военного, закончив Московский авиационный институт, он нашел себя в качестве вожатого производственника и был помешан на театре. Суровый вид, военная выправка, офицерские портупея и плащ-палатка сводили с ума

его подопечных, которые верили ему безоглядно и шли, словно крысы за Нильсом.

Мы частенько устраивали с ним импровизированные концерты, когда, возвращаясь с гитарой из младшего отряда, я вдруг пересекался с ним где-то в районе футбольного поля. Усевшись на лавочку перевести дух, мы, незаметно для себя, начинали импровизировать. Гитара начинала вибрировать своими обертонами, и вот уже два отможенных вожатых, собрав толпу разномастной детворы, надсадно выводили рулады на тему: «Мой дедушка разбойник!»

Толпа обростала новыми зрителями, интересующимися: «Кто в этот раз к нам приехал?» — но, обнаружив знакомые лица, не торопились уходить, притопывая и прихлопывая в ритм, завернувшего всех в единый водоворот песенного действия.

Легкий на подъем Андрэ (он же де ля Топор, он же Адмирал, он же Мамонт) постоянно открывался с какой-то новой стороны то, как строитель моделей ракет, то, как испытатель самодельных плавсредств, то, как игрок в бадминтон. Да мало ли еще в чем он был силен и умел блеснуть в изысканном вожатском обществе. Чего уж говорить о пионерах, которые от его начитанности просто падали ниц перед своим гуру.

Уж не знаю, каким образом, но сложилось мнение, что Андрэ не очень ловок в отношении с женщинами, хотя его напарницы по отряду всегда были девушками привлекательными, а он для них всегда авторитетом. Одним словом, он оброс слухами и легендами, которые сам тщательно поддерживал, что, в общем-то, он не здешний, а с планеты Альдебаран, а здесь на разведке, осматривается. Что на планете этой принято размножаться почкованием, а любовь тоже есть, и его, конкретная, прозывается «Географина Викторическая» (или Викторина Географическая) сейчас подробностей уже не отыскать.

Внеземным происхождением Андрэ объяснял и свое нежелание подвергать бренное тело водным процедурам в виде купания в бассейне, посещения душа и даже бриться усов и бороды. Частенько выглядело комичным, когда после непродолжительного

дождика, лужи от которого высыхали за три минуты, Андрэ еще дня два ходил в резиновых сапогах и плащ-палатке.

Но, ближе к теме, в то лето с дождями была полная засада, солнце пекло макушки, закручивало завитки сторевшей кожи на носах, ночь не приносила долгожданного отдыха, остывая медленно, словно русская печь, как раз годная для того, чтобы поставить в нее пироги. В лесу запретили жечь костры и даже заезжать на машинах на пикники. В «Бучило» постоянно доливали воду из артезианской скважины, чтобы компенсировать испарения, но даже ледяная вода с глубины более ста метров лишь на короткое время придавала ей оттенок парного молока, вобравшего прохладу летнего утра.

К полудню бассейн набирал свои 28 градусов, превращая процедуру закаливания в формальное полоскание в домашней ванне.

Вернувшись в очередной раз из Москвы, и раздав привезенные заказы, после ужина я заскочил в свою «голубятню» сменить одежду и оглядеться перед ночной «произвольной» программой.

Громохвая тяжелым шагом в сандалетах на босу ногу и сопя как перегретый паровоз, сверкая стеклышками перекошенной оправы на носу, в каморку вошел вожатый младшего отряда Геня.

— Выпить есть? — не теряя времени на политес спросил он. Ко мне с просьбами чего-нибудь привезти он не обращался, особой дружбы с ним я не водил, да и бесцеремонная манера общения не сильно способствовала вежливому разговору.

— Если ты про водку, то все раздал согласно сделанным заказам. А если про меня, то я пью только сухое ответил я с некоторым вызовом.

— Дело дрянь! — резюмировал Геня, но отыгрывая свой более солидный, хоть и не на много, чем у меня возраст, добавил Ничего, скоро начнешь и водку пить, и спирт...

По его лицу было видно, что в его голове в клочья бьются две мысли:

— Оставить этого желторотика, и искать водку у других, или раскрутить его на сушняк, а потом идти искать антабус по лагерю?

Не найдя приемлемого ответа он присел на одну из кроватей и взял в руки гитару.

— А я один сидю на плинтуаре, темной ночью... — потекла под его пальцами прибитая песенка Аркаши Северного.

— Пронесло! — подумал про себя я, но в это время в дверь кружка стали колотить, я выглянул и увидел своего старшего брата с товарищем.

— Не ждал? — радостно воскликнул брат — А мы к тебе в гости!

Вот тут я начал понимать значения терминов «третий глаз», «интуиция», «почувствовать пятой точкой» и других аналогичных, отражающих способность человека не только предугадывать будущее, но и притягивать к себе определенные события, предметы и, как в данном случае, напитки.

Дело в том, что брат с приятелем держали в руках целлофановые сумки, из которых во все стороны торчали и выпячивались формы, так вожаемые определенными людьми с начальной стадией зависимости от напитков, качество которых определяется горением.

— Как брата встречаешь! — мгновенно преобразившись, откинув гитару, воскликнул Геня Давай, веди их в столовую, пока еще ужин не кончился. Я в отряд, а потом сюда. Без меня не начинайте! — сказал он строго, вскрывая первую бутылку. — Ну, по чуть-чуть, за знакомство, и разбежались!

Возвращаясь из столовой, мы увидели Геню, сидящего на ступенях ДДТ. Курить на территории не разрешалось, поэтому он по пацански прятал окурки в кулаке, изредка затягиваясь и выпуская дым в ближайший куст, заполнивший пространство от красного пожарного щита с кулечками ведер и огромным крючковатым багром, до самого крыльца. В сумерках наступившего вечера казалось, что седой туман выбрал этот ракитник себе на ночь в качестве ложа и пристраивается, чтобы опочить на его ветвях до того момента, когда новые утренние лучи не прогонят его до следующего заката.

— Быстро ты! — восхитились мы, подходя ближе — Нормально поужинали, вот теперь бы еще придумать, где заночевать!

— А и думать нечего! У меня в отряде! Третьего дня двоих родители забрали в Москву, так кровати стоят пустые! — лихо вошел в разговор Геня.

— Так я предлагаю за разрешение всех проблем! Давай, впускай уже... недобро посмотрев на меня, ковыряющего из связки ключей нужный, добавил он.

— Нет, у детей спать это неправильно. А как же поговорить, а как же выпить? — рассудительно заметил брат.

Решение пришло само решили принести матрасы со спальными принадлежностями из отряда ко мне в кружок, здесь и заночевать на полу. А пока народ сходит за постелями, я накрою на стол.

— Годится! — воскликнул Геня За произнесенный тост, надо бы выпить!

Мы выпили по-быстрому и разбежались согласно принятому решению.

Не успел отзвучать горн вечерней линейки, а подзаржавевший ролик на флагштоке не спел еще свою колыбельную, а в нашей шарашке на выселках, именуемой ДТТ, уже звенела гитара и Высоцкий сменял Северного, а Костя Беляев раскладывал как паcьянс: «Заплутали мишки, заплутали...».

Геня блистал всеми гранями своего таланта, буквально раскрывшись как душа компании, нежный друг, заботливый товарищ и непревзойденный виночерпий, положивший свою печень на алтарь всеобщего настроения.

В соответствии с регламентом заглянул старший вожатый, и, предупредив о соблюдении порядка, растворился в темноте футбольного поля.

Только круглый диск луны цвета купавы светил вслед удаляющегося в сторону 3 корпуса силуэта. Вой голодных койотов тоже был, только мы были не голодные, а слегка подшофе, что придавало ему не только оттенок ужаса, но и чего-то пока еще неопределенного. Мы и сами не знали, что это будет.

Незаметно пролетела ночь, и еще незаметней исчез запас «топлива» заготовленный на три дня. Попивая сушнячок, я не отслеживал «смену блюд», тем более, на раздаче стоял такой мастер, душа общества, балагур и каламбур.... Нет, камамбер и балабол.... Или чего-то в этом роде, но совершенно гениальный и непревзойденный!

Звезды поблекли, задымился туман над Бучилом, выпивка кончилась, а душа просила праздника! Лагерь спал, и нарушить эту тишину означало ни много ни мало как святотатство.

Раздевшись, нетвердой поступью мы пошли окунуться, что бы привести себя в порядок, и, воздав хвалу случаю и нашему виночерпию, отойти в мир Морфея. Но, проходя мимо клуба, один из нас наткнулся на стоящие у ступеней резиновые сапоги, потерял равновесие и чуть не расквасил нос.

— И кто же у вас в лагере в такую жару в резиновых сапогах расхаживает? — спросил брат — У вас что, лагерь химзащиты?

— Это Мамонт — сказал Геня, сопя носом, бредя с закрытыми глазами.

Казалось, что даже перекошенные очки на нем, и те закрыли веки, не в силах бороться со сном и сдерживать расплескивающийся из глаз выпитый антабус. Посчитав свою миссию выполненной, он лег на курс в направлении корпуса и, включив автопилот, предоставил возможность своему телу продемонстрировать галсирующую походку типичного «деклассированного одесского элемента» заезжим фраерам, чьи полиэтиленовые сумки, как лопнутые шарики ослика Иа, валялись под верстаками в авиааракетном кружке. Входит выходит...

Но, выходило, что выпивка кончилась, а покуражиться еще ой, как хотелось!

И тут взгляд упал на резиновые сапоги Мамонта.

— Посидите здесь на лавочке сказал я и быстро удалился в кружок.

Через несколько минут я уже вытаскивал гвоздики из штапиков, державших стекла в окне комнаты, в которой мирным пионерским сном храпел Андрэ. Забравшись внутрь, я задохнулся

от амбрэ давно непроветренного помещения, вобравшего полутона запахов высохшей гуаши, вчерашних носков, соуса к гуляшу на ужине и еще много чего удивительного, что должно быть услаждает обоняние представителя иной цивилизации. Мало того, этим запахом можно было питаться настолько он был концентрирован и густ по консистенции. Отворив дверь наружу, я сделал несколько глубоких вдохов и вернулся обратно. Очень быстро мы вынесли всю одежду Андрэ, оставив только пилотку, плащ-палатку и резиновые сапоги. Замкнув дверь на крюк, привычным путем я убрался восвояси, поставив на место стекла окна и штапики. Гвоздики привычно вошли в свои дырочки, завершив устранение следов свершенного злодеяния. Утро грозило порадовать очередной жарой и отсутствием даже призрачного намека на осадки. С чувством выполненного долга и пойманного за хвост, почти убежавшего куража, мы удалились на покой.

Активист кружка, Димка Доброквашин, полностью оправдывал свою фамилию. Для меня он был не только кружковцем, но и будильником, нянькой, кормильцем.... Да мало ли кем! Товарищ, нянька, думайте как угодно. Небольшой разрыв в возрасте ни чего не менял. Но было строгое табу, определенное нашим различным положением, ни курить, ни выпивать при мне не полагалось. Это был закон, и мы его не преступали.

Пройдя по карнизу ДТТ, заглянув в окна и увидев на полу «братскую постель», Димка вежливо постучал в дверь и голосом ангела небесного сообщил о наступлении утра, окончании завтрака и о том, что обворовали Мамонта.

Умывшись под брандспойтом у пожарного щита, мы бодро сбегали в столовую, где надеялись хоть чем-нибудь подкрепить обезвоженный и обескровленный организм. Громкий, но осипший голос вожатого, гнавшего своих орлов убирать территорию, прозвучал смутным отголоском из прошлой жизни, напомнил о чем-то вчерашнем, но, не сумев зацепить хоть одну мало-мальски ценную мысль, растворился в накаляющемся утре как туман над бассейном. «Ах, Одесса жемчужина у моря!» — прострелило в

головной коробке и рикошетом ушло в ватное содержимое мозга.

Перл? Конечно перл! Точнее, перл двигался прямо на нас.

Среди выбегающих и выпрыгивающих из столовой мальчишек в трусах и пилоточках, девчонок в футболочках и шортиках под обрез, вожатых, прикрывавших плоть по минимальным нормам приличия, работников столовой, одевавших белые халаты на голое тело (понятно, с нижним бельем), на нас двигалось нечто глыбообразное матерый человечище, завернутый в плащ-палатку и в резиновых черных сапогах на босу ногу. Брезент цвета хаки оттенял красную звезду на пилотке, и ее отблеск в роговой оправе очков, под которой дыбом ошетинились усы и вчерашняя легкая небритость. Словно ледокол Андрэ раздвигал мелькающие волны мелюзги и редкие айсберги вожатых, которые тоже не испытывали желания оказаться у него на пути. Устремленный в одну точку, он рулил прямо к своей комнате в ККЗ «Лесная тишина», и лишь легкий ветерок, заблудившийся в надвигающейся полуденной жаре, испуганно колыхнул полог брезента, обнажив голые ноги в сапогах.

Покончив с завтраком, мы вернулись в кружок, убраться и издали понаблюдать за эффектом наших ночных шалостей. Словно тень отца Гамлета ходил Андрэ под окнами своей комнаты, тщательно разглядывая и пожарный ящик, и окна, и помятую траву. Весть о происшествии быстро расползлась по лагерю и у ККЗ стали собираться вожатые и народ с хоздвора.

Одежда была найдена почти сразу — ее просто засунули в пожарный ящик, и версия злостного хищения мгновенно обесценилась. Больше у него брать было нечего, и стал неясен замысел злодеев. Вычислить, кто дерзнул на такое самого Мамонта заставить гулять в трусах, плащ-палатке и резиновых сапогах в тридцатиградусную жару, также не представлялось возможным. Ни следов, ни улики.

— Ни чего, ни чего, Мамонта еще ни кто не смог изжарить в брезенте! Я еще и веник березовый с собой прихвачу! — хорохорился «пострадавший».

— А я вот и думаю, что это Андрей так вырядился вроде по плану ни комического футбола нет, ни «банного дня»?» — размышлял вслух начальник лагеря.

— Это его так Географина! — хохотнул кто-то из вожатых. И народ начал рассасываться по отрядным планам. Одинокая фигура Мамонта еще долго маячила под окнами кино-концертного зала..

Проснувшись к обеду, Геня почувствовал, что как-то поразбежался вверенный ему отряд, и с удивлением обнаружил, что отряд мирно работает по плану во главе с вожатой. Хлебнув из горлышка граненого графина желтоватой минерализованной железом подмосковной водицы, он встал с помятой, сползшей набок постели и пошел прогуляться.

Усевшись на скамейку у футбольного поля, Геня долго наблюдал, как Мамонт присматривался, приняхивался, приглядывался ко всему, что находилось под окнами его комнаты и вокруг. Крутя в кулаке сигарету и не найдя спичек он обратился.

— Андрэ, огонь есть?

Не поворачивая головы, тот протянул зажигалку. Очередная веточка, провокационно торчащая из земли, привлекла его внимание, и он надеялся, что она выведет его на нужный след.

— И ведь что примечательно, — сказал он, теребя ус — ни каких следов! Ну не с Альдебарана же они?

— Ты, Мамонт, про кого? Ты, часом, того, не телепортировался? — стараясь передвигать пересохшие губы и сдвинуть с места отсохший язык, произнес Геня.

— Ходишь тут уже минут тридцать как оглашенный, бормочешь невнятное.... Ты не бредишь? — продолжил он флегматично, закулив сигарету и озираясь, что бы не быть пойманным начальством.

— Я-то не брежу! А вот ты, с какого сучка сорвался? Я тут с подъема хожу! Не знаешь что ли, что меня обворовали, да не обворовали? — выдохнул Мамонт.

— Ну, точно, бредишь! Да еще заговариваешься! Может еще и милицию вызовешь? — борясь с пересохшим ртом, словно пу-

стынный странник или его гордый друг верблюд, недокручивая губы до стопроцентной дикции, вставил Геня.

Ну, не сознаваться же, что он проспал до обеда, а с отрядом возилась вожатая. Так на то она и дана, что бы, как говорится, подставить плечо в трудную минуту. Трудную минуту.... Трудную минуту....

Да выпили вчера немало!

— А где Женька с братом? Не знаешь? Мы вчера классно нака-
тили! — сказал он в сердцах.

— Пошли купаться, а тут твои туфли резиновые сорокпослед-
него размера, растоптанные! Чуть ноги себе не переломали! Вот
ребята и оттянулись нечего вещи разбрасывать, где ни попадя,
где приличные люди «выпимши ходють!» — закончил свой ма-
нифест Геня.

Нет, все-таки версия с пришельцами с Альдебарана выглядела
убедительнее и фундаментальней, что ли!

Жизнь, она всегда проще. А шутки.... Главное, что бы шутки
не были злыми!